

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Ручинская О. А. (Харьков, Украина) Право и общество античных городов Северного и Западного Понта // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 172 – 189.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

О. А. Ручинская

ПРАВО И ОБЩЕСТВО АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ПОНТА

Положение человеческой личности в обществе в немалой мере определяется и регулируется действующим в этом обществе правом. В отношении общества к праву выявляется отношение его к личности: пренебрежение правом влечет за собой попрание личных прав членов общества; напротив, высокая оценка права связана с наличием известных гарантий человеческого существования, с которыми общество считается. В этой связи важно выяснить степень контроля общества над индивидуумом, что отражает реальный статус личности. Выяснение взаимоотношений личности и государства, реального правового положения граждан позволит более четко представить существование гражданских коллективов в античном Северном и Западном Причерноморье.

Однако проблемам социально-правового положения граждан причерноморских городов как в отечественной, так и в зарубежной историографии уделено мало внимания. Имеющаяся по данному вопросу литература посвящена в основном локальным вопросам социально-правового статуса населения или отдельным регионам Северного и Западного Понта [1, с. 31–56; 2, с. 116–141; 3, р. 186–235; 4, с. 139–154; 5, с. 155–160]. Сложность данной задачи определяется неполнотой и фрагментарностью источниковой базы, фактическим отсутствием прямых свидетельств античных авторов. Поэтому наше внимание главным образом будет сосредоточено на тех социальных и правовых элементах жизни этих коллективов, которые, на наш взгляд, можно считать типичными, показательными для античного Северного и Западного Причерноморья.

Причерноморские города в целом можно охарактеризовать как традиционные общества, то есть подчиняющиеся раз и навсегда установлен-

ным канонам. Об этом свидетельствует частая ссылка в официальных документах на древние традиции. В частности, почетный декрет IV в. до н. э. в честь неизвестного ольвийского гражданина указывает на его приверженность к заветам отцов (ΚΑΤΑ ΤΑ ΠΑΤΡΙΑ) [IOSPE, I², № 325]. Достойным древнейшего закона или обычая (ΚΑΤ'ΩΓΥΓΙΩΝ ΝΟΜΟΝ) провозглашается гимнасиарх из Одессоса Апатурий [IGBR, I², № 224]. Сообщающая об этом надпись относится к III—I вв. до н. э. На определенное стремление поддерживать традиции предков указывают также граффити: одно из них — V в. до н. э. из Ольвии — представляет собой начальные строки из киклической поэмы «Малая Илиада» [6, с. 142–150], другое — IV в. до н. э. из Пантикапея — свидетельствует о знании эпических поэм жителями Боспора [7, с. 93].

В первые века нашей эры, несмотря на многовековое варварское окружение и римское влияние на право и культуру причерноморских греческих городов, мы видим аналогичную картину. Дион Хрисостом, побывавший в I в. н. э. в Ольвии, отмечает, что «борисфениты усердно читают Гомера и «Илиаду» почти всю знают наизусть..., а некоторые из них любят и Платона» (Dio Chris. Orat. XXXVI). Глубокое знание древней мифологии местными поэтами показывают тексты херсонесского гимна в честь Гермеса (II в. н. э.) [IOSPE, № 436; 8, с. 311–313] и березанского в честь Ахилла (I в. н. э.) [9, с. 49–62]. Два ольвийских декрета II–III вв. н. э., восхваляющие сограждан за «следование славе предков» [НО, № 163; 10, с. 192, 193; № 19, с. 201, № 28], официально подтверждают стремление сохранить древние традиции. А упоминание в почетном декрете из Месембрии формулы «...ΚΑΤΑ ΤΟΝ ΝΟΜΟΝ ΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ ΚΑΙ ΤΟ ΕΘΟΣ» [IGBR, № 317, ст. 7], то есть «по закону города и обычаю», безусловно свидетельствует, что в III в. н. э. в этом западнопонтийском городе были все еще сильны традиции дедов и чувство законности. Подобное явление было характерным не только для истории городов Северного и Западного Причерноморья.

Во многих греческих колониях длительное время сохранялись древние традиции, даже при условии, что соответствующие институты в метрополиях давно изменились [11, р. 114; 12, р. 14; 13, р. 126]. Т. В. Блаватская видит в сохранении первоначальных институтов метрополии отсталость причерноморских городов [2, с. 196]. А. Грэхэм объясняет это консерватизмом колоний [12, р. 14]. Полностью разделяя последнее мнение, все же следует добавить, что немаловажную роль в данном процессе сыграл и рационализм греков. Многовековая традиция превращалась в своего рода нравственный закон, определенный ориентир и средство для достижения некоего баланса внутри гражданского коллектива. Поведение отдельного гражданина строго соотнобразовывалось

с разветвленной системой запретов и поощрений. Об этом красноречиво говорит Аристотель, называя похвалу и порицание важнейшими регуляторами поведения людей в общественной жизни (Aristot. Eth. Nic. III, 1). Обычаем «программировалась» жизнь каждого члена коллектива, обязанного следовать общепринятым образцам — богам, предкам, эпическим героям. И в этой всесторонней регламентации жизни, видимо, было единственное условие сохранения целостности гражданских коллективов, их национального самосознания.

При отсутствии писаных канонов именно традиция была главным хранилищем основных правил и законов [14, р. 206]. Ориентацией на традицию, видимо, следует объяснять и стремление граждан причерноморских городов уравниваться в правах с жителями метрополии, что подчеркивает схожесть законов этих государств. Декреты IV в. до н. э. об исполении между Милетом и его колониями Ольвией и Истрией позволяют говорить, что граждане этих городов обладали в тот период достаточно широкими политическими правами, имея доступ в Народное собрание, Совет и магистратуры. Так, из текста ольвийского декрета следует, что «если он (милетянин) пожелает участвовать в отправлении должностей, то пусть войдет в Совет и, будучи внесен в списки, принимает участие и станет ΕΝΤΕΛΗΣ, то есть «правомочным исполнять общественные должности», подобно прочим гражданам [15, с. 264, № 35]. Аналогичными политическими правами наделялись милетяне и в Истрии [ISM, I, № 62]. На возможность доступа граждан причерноморских городов в состав местных магистратур и советов указывает и Херсонесская присяга III в. до н. э. В тексте документа говорится о праве «служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан» [IOSPE, № 401, ст. 22–24].

Гражданские коллективы Северного и Западного Причерноморья, по-видимому, наделяли своих членов определенной законодательной инициативой. Источники свидетельствуют, что инициатива проведения в Ольвии в IV в. до н. э. двух важнейших законов (о купле-продаже золота и серебра и об отмене долгов) исходила от частных лиц — Каноба, сына Фрасидаманта [IOSPE, № 24], и Каллиника, сына Евксена [IOSPE, № 25]. Ольвийские проксенические декреты III–II вв. до н. э. также предложены частными лицами: Агафинором, сыном Полихарма [IOSPE, № 27], Нумением, «сыном...» [HO, № 24], Гефестодором, сыном Диогена [HO, № 26], и ольвиополитом, имя которого не сохранилось [HO, № 25]. Однако почетные декреты начиная с середины III в. до н. э. выдвигаются различными коллегиями магистратов: архонтами [IOSPE, № 29, 35], архонтами и коллегией Семи [IOSPE, № 26, 32, 33], коллегией синедров [IOSPE, № 240; HO, № 28, 29, 123]. По-видимому, с этого

времени прерогатива вносить проекты ответственных постановлений в ольвийский Совет и Народное собрание переходит от частных лиц к коллегиям магистратов, а за первыми остается лишь скромное право выступать с инициативой по проксеническим декретам. В римское время частные лица, видимо, были лишены и этого права, так как источники подобных примеров нам не дают.

Практически аналогичная ситуация сложилась и в Херсонесе. Два декрета III в. до н. э. о даровании проксении ольвиополиту Евтию [IOSPE, № 345] и родосцу Тимагору [IOSPE, № 340] были предложены одним и двумя частными лицами. Возможно, частным лицом был предложен и почетный декрет в честь историка Сириска III в. до н. э. [IOSPE, № 344]. Однако Гераклид, сын Парменонта, явившийся инициатором указанного декрета, в другом случае выступает как диойкет [IOSPE, № 343]. Следовательно, восхваляя Сириска, он тоже мог выступать как должностное лицо [5, с. 155]. Но, учитывая убедительную гипотезу М. И. Ростовцева о том, что херсонесец Гераклид был отцом самого чествуемого [16, с. 153–155], можно предположить, что из-за приватности повода и по соображениям скромности (поскольку речь шла о сыне) он опустил упоминание своей должности и выступил как частное лицо. По-видимому, законодательная деятельность херсонесских граждан ограничивается III в. до н. э. Начиная со II в. до н. э. проекты всех постановлений вносятся номофилаками [IOSPE, № 347, 351, 352, 691], а в первые века нашей эры — проедрами [IOSPE, № 357, 359, 362, 364, 365]. Таким образом, уже со II в. до н. э. простые граждане Херсонеса были лишены права вносить какие бы то ни было предложения, даже самые обычные проксении, ставшие к этому времени популярными почетными институтами.

Несколько иная ситуация прослеживается в городах Западного Причерноморья, где граждане, должно быть, наделялись более широкой законодательной инициативой. Так, к эллинистическому времени относятся проксении, предложенные гражданами Одессоса Кратисфеном и Зоилом [IGBR, № 41, 43], месембрийцем Кононом [2, с. 259, № 33], каллатийцами Леонтиском и «..., сыном Ифиада» [2, с. 255, № 24; с. 256, № 26]. Инициаторами почетных декретов в честь Сопатра и Аристагора, сына Апатурия, являлись истрийцы «..., сын Феогнета», и Ксилохор, сын Гекатея [2, с. 243, № 6; с. 247, № 11]. Та же практика, по-видимому, сохраняется здесь и в римское время, о чем свидетельствует почетное постановление II в. н. э. из Истрии, предложенное частным лицом [ISM, I, № 57].

Относительно боспорских городов следует заметить, что проксении издавались здесь уже в IV в. до н. э. не от имени Совета и народа,

а единолично правителем государства [КБН, № 1–4]. Следовательно, ни о какой законодательной инициативе со стороны граждан говорить не приходится. Но Д. П. Каллистов, например, видит в самом факте издания декретов о проксении не от имени Совета и Народного собрания, а от имени боспорского правителя одно из доказательств существования на «Спартокидовском Боспоре значительных реминисценций полисной структуры» [17, с. 317]. Этот не очень убедительный, на первый взгляд, тезис находит документальные подтверждения и в более поздних источниках. В частности, надгробная эпитафия I в. н. э. в честь пантикапейца Хариксена, упоминающая царя и народ [КБН, № 140], почетные декреты II в. н. э. от имени Совета и народа агриппийцев [КБН, № 979, 982, 983] и надгробная эпитафия, перечисляющая общественные должности фанагорийца Агафуса [КБН, № 1000], а также возможное свидетельство о существовании Совета в Гермонассе [КБН, № 1100] и декрет царя Аспурга, устанавливающий «свободу» Горгиппии в определенной сфере деятельности [18, с. 250, 251], позволяют говорить о сохранении в городах Боспора полисного самоуправления, а следовательно, и о существовании определенных гражданских прав.

К числу прав, характеризующих демократические государства, прежде всего относится всеобщее избирательное право (Arist. Pol. VII (VI), I, 8). Наличие в городах Северного и Западного Причерноморья ежегодно сменяемых магистратур (в сочетании с демократическим устройством самих общин [19, р. 2]) позволяет говорить о существовании здесь подобной избирательной системы. Однако источники, содержащие необходимые сведения, крайне фрагментарны. Реальным подтверждением выборной системы должностных лиц может служить херсонесская присяга III в. до н. э. В ней упоминается избрание нового гражданского магистрата, получившего название ΣΑΣΤΗΡ [IOSPE, № 401, ст. 24]. В интерпретации данного термина нет единой точки зрения. На наш взгляд, наиболее убедительно мнение В. В. Латышева, согласно которому название нового магистрата переводится как «гражданский президент», в чьи функции входило урегулирование конфликтов и снятие социальной напряженности [20, с. 96]. Подобная высокая общественная должность, безусловно, должна была получить одобрение большинства членов гражданского коллектива.

В причерноморских городах выборы должностных лиц, по-видимому, могли проводиться двумя способами: открытым голосованием в Народном собрании посредством поднятия руки (ΑΡΧΑΙ ΧΕΙΡΟΤΟΝΗΤΑΙ) или по жребию (ΑΡΧΑΙ ΚΛΗΡΩΤΑΙ). Находки в Ольвии остраконов, с процарапанными или написанными на них краской мужскими именами [21, с. 37; МЗО-93 (ИГС), № 31, 132, 439, 1272] и херсонесские граф-

фити IV в. до н. э., одно из которых представляет собой полное имя с патронимиком ΒΑΘΥΛΛΟΣ ΝΙΚΑΓΑΡΑ [22, с. 121–124], могут служить косвенными свидетельствами существования способа выборов с помощью жеребьевки кандидатов. В обычной практике с помощью жеребьевки в основном избирали на должности, не требующие специальной подготовки, например, хорегов и гимнасиархов (Demosth. I, 35, 36). Поэтому, вероятно, более популярным способом избрания должностных лиц была хиротония. В частности, проведение избрания путем открытого голосования происходило в Херсонесе, что следует из декретов III в. до н. э. [23, с. 72–81] и I в. н. э. [IOSPE, № 355, ст. 20], в которых упоминается ΧΕΙΡΟΤΟΝΙΑ (ΧΕΙΡΟΤΟΝΗΘΕΙΣ). Надписи из Ольвии и Том указывают на то, что с этой целью собиралось особое народное собрание. Судя по ольвийскому декрету I в. до н. э. в честь Никерата, сына Папия, оно носило специальное название ΑΡΧΑΙΡΕΤΙΚΗ ΕΚΚΛΗΣΙΑ [IOSPE, № 34]. В Томах избранные магистраты обязаны были предоставлять этому собранию отчет [3, р. 249].

При такой системе голосования особенно ценились моральные, нравственные качества кандидата на должность, тесно связанные с заботой о государстве и общественных интересах [24, р. 59]. Не случайно многочисленные почетные декреты в честь граждан причерноморских городов содержат общую тенденцию: в них обязательно отмечается отношение восхваляемого к ΤΟ ΚΟΙΝΟΝ. В проксеническом декрете I в. до н. э. из Каллатиса отмечается, что Стратонакт, сын Лигдамида, «... пренебрег своими личными интересами и выше всего ставил общее благо...», за что и был поощрен гражданами города [2, с. 257, № 28, ст. 5–8]. В почетном постановлении в честь истрийца Аристагора, сына Апатурия, прямо указывается, что причиной избрания его еще на два года агораномом явились заслуги перед городом и порядочность в отношении сограждан [2, с. 245, № 11; ISM, I, № 54]. Ольвийский эвергет Протоген в III в. до н. э. простил городу все долги, отметив, что «для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа...» [IOSPE, № 32 В, ст. 88–90]. ΤΟ ΦΙΛΟΠΟΛΙ, то есть «любовь к отечеству» поощряется и в первые века нашей эры. Об этом свидетельствуют херсонесский декрет II в. н. э. в честь Демократа, сына Аристогона, исполнявшего многие общественные обязанности, и надгробные эпитафии I в. н. э., в которых за заслуги перед отечеством восхваляются пантикапейцы Психарион, сын Диотима [КБН, № 143], и Феофил, сын Онесима [КБН, № 432].

Для того чтобы получить большинство голосов избирателей и победить на выборах, немаловажное значение имели и ораторские способности кандидата. Давно известно, что человек — существо, со-

циально внушаемое. Горгий особо подчеркивает, что слово властвует над эмоциями человека (Gorg. Helen. 8). А риторика, которую Платон определяет как искусство льстить и обманывать (Plato. Gorg. 465 b), способна волновать толпу и управлять неупорядоченной общиной. В городах Северного и Западного Причерноморья, вероятно, существовали риторские школы, готовившие своих учеников к активному участию в общественной жизни полисов. Такое предположение позволяет сделать упоминание о гражданах, отличавшихся ораторским искусством. В частности, в херсонесском декрете III в. н. э. упоминается Демокрит, сын Аристогена, который в бытность проедром докладывал и говорил славно [IOSPE, № 425]. О своей встрече с ольвиополитом Каллистратом — любителем красноречия рассказывает Дион Хрисостом (Dio Chris. Orat. XXXVI, 8). На развитие риторики указывают также терракотовая статуэтка II в. до н. э. [25, с. 66, № 83] и надгробная плита III в. до н. э. с изображениями ораторов из Одессоса [26, с. 233, 234].

В число гражданских прав, которыми обладали граждане причерноморских городов, входило право участия в суде. Законодательно оно было закреплено в присяге херсонеситов [IOSPE, № 401] и в упоминавшихся договорах об исполнении между Милетом — Ольвией и Истрией. В ольвийском договоре, в частности, говорится, что если у милетянина будет в Ольвии тяжба, то его дело должно разбираться в «пятидневный срок в том отделении, которому подведомственны дела между гражданами» [15, с. 264, № 35, ст. 15, 16].

О существовании гражданской системы правосудия в городах Боспора позволяет предположить декрет царя Аспурга, разрешающий «свободу» Горгиппии в какой-то сфере деятельности, связанной с судопроизводством [18, с. 250, 251]. Проксенические декреты III–II вв. до н. э., дающие право на защиту иностранцам в суде наряду с гражданами Одессоса [IGBR, № 37 bis, 38 bis, 41, 42], Месембрии [IGBR, № 307 bis] и Дионисополя [IGBR, № 13 bis], свидетельствуют о наличии подобной системы в Западном Причерноморье.

Однако демократическое судопроизводство причерноморских городов, по-видимому, не избежало общегреческих пороков. Чрезмерная любовь к судебным тяжбам породила «судебную магию», стремление лишить противника возможности говорить, сказать красивую и убедительную речь в свою пользу (Cic. Brut. 60). К IV в. до н. э. относится, например, небольшой глиняный сосуд, на котором неизвестный ольвиополит написал наговор, «связывающий языки» его противнику по суду Телесикрату, его сыновьям-свидетелям по тяжбе и «всем другим» [27, с. 49, 50]. В Ольвии [28, с. 118–120, № 3, 4] и Пантикапее [28, с. 115–120, № 1, 2, 5] обнаружены свинцовые пластинки IV–I вв. до н. э. с нагово-

рами, направленными на противников или их защитников в суде. Подобные таблички были очень популярны среди греческих граждан и играли роль своеобразной правовой защиты. В тех случаях, когда государство оказывалось беспомощным, обиженная сторона надеялась, что виновный, зная о наговорах, поспешит снять с себя проклятие и удовлетворит оскорбленного [29, с. 23].

Херсонесская присяга свидетельствует о возможности существования особой формы судебных процессов, связанных с доносами частных лиц государственным чиновникам по особо важным делам. В данном случае речь идет об обязанности херсонеситов сообщать о заговорах и попытках свержения демократического строя [IOSPE, № 401]. Такое правило в обществе, где на первом месте стояла любовь не к ближнему, а к государству, вполне могло породить явление доносительства. Отголосок данного явления содержится в легенде о Гикий: узнав о готовящемся со стороны мужа заговоре против херсонесской общины, она хочет открыть тайну властям и просит родственников собрать «первенствующих и благородных граждан (города)...» (Const. Porphyg. De adm. imp. 53. 356, 357). Косвенным свидетельством может служить и доносчик-ольвиополит, сообщивший скифам об участии царя Скила в греческих празднествах (Herod. IV, 79).

Среди гражданских прав, которыми обладали жители городов Северного и Западного Понта, следует отметить право на недвижимую собственность, позволявшее владеть землей и домами, что давало возможность часть получаемых доходов тратить на общественные нужды. В легенде о Гикий Константин Багрянородный, опиравшийся на какую-то местную хронику, описывает имущество первого архонта Херсонеса Ламаха, у которого был дом на четыре квартала, несколько имений, рабы, скот (Const. Porphyg. 53. 259–268). Обладателем громадных богатств, судя по всему, был ольвиополит Протоген, которому ничего не стоило постоянно тратить сотни и тысячи золотых во благо города [IOSPE, № 32]. За особые заслуги перед общинами боспорских и западнопонтийских городов имущественными правами наделялись даже иностранцы. Так, декреты из Горгииппии [30, с. 157] и Фанагории [31, с. 219–222] свидетельствуют о предоставлении проксенам права приобретения земли и жилищ в IV–III вв. до н. э. Проксенические декреты из Одессоса даровали право на собственность четырем гражданам западнопонтийских городов [IGBR, № 37 bis, 42, 43]. В этот же период жители Месембрии наградили данным правом фессалийца Каллипоа, сына Терсандра, и каллатийца Главка, сына Аристомена [IGBR, № 309, 309 bis, 309 ter, 307 bis], а дионисополятыне — Аристомена, сына Дионисия, жителя Одессоса [IGBR, № 13 bis].

Граждане городов Северного и Западного Понта имели право участвовать в различных религиозных обрядах. На это указывают уставы по проведению религиозных обрядов, засвидетельствованные эпиграфикой Ольвии (IV–III вв. до н. э.) [15, с. 264, № 35; IOSPE, № 76], Истрии (IV в. до н. э.) [ISM, I, № 62], Фанагории (II в. н. э.) [КБН, № 1005], Херсонеса (первые века н. э.) [32, с. 37, № 12] и Каллатиса (первые века н. э.) [33, с. 95]. Граждане причерноморских городов участвовали также в разнообразных агонах, в том числе и общегреческих. Например, херсонеситы состязались на Пифийских играх и, возможно, принимали участие в состязании хоров юношей на Делосе [15, с. 248, № 13, 14; с. 256, № 22].

Политические, судебные, имущественные, религиозные права провозглашались достоянием всех членов гражданской общины, но были и особо почетные права, предоставлявшиеся заслуженным гражданам. К их числу следует отнести присвоение почетных титулов. Например, трем херсонесским гражданам, занимавшим высокое общественное положение, был присвоен титул ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΟΣ («любящий отечество») [IOSPE, № 423, 425; НЭПХ, 1964, № 13; 34, с. 40, прим. 29]. Такого же титула был удостоен и ольвиополит «..., сын Сократа» [IOSPE, № 38]. В причерноморских городах широкое распространение имели почетные титулы «эвергетов». В I в. до н. э. в Ольвии [IOSPE, № 34], в III–II вв. до н. э. в Месембрии [IGBR, № 307] и Истрии [35, р. 477, 584] получил распространение титул ΕΥΕΡΓΕΤΗΣ ΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ («благодетель города»). В I в. до н. э. — I в. н. э. в Месембрии появился титул ΕΥΕΡΓΕΤΗΣ ΤΟΥ ΔΗΜΟΥ («благодетель народа») [IGBR, № 320], а в Одессосе в I в. до н. э. существовал титул ΠΑΤΡΟΣ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ («благодетель отечества») [IGBR, № 43 bis]. В первые века нашей эры титул «эвергет», по-видимому, приобретает политическое значение, поскольку, как свидетельствуют декреты Дионисополя и Пантикапея, используется в отношении римских императоров [IGBR, № 16; КБН, № 33, 38, 41], легата Мезии [IGBR, № 15] и боспорских царей [КБН, № 39, 40, 42, 43]. В Ольвии известен почетный титул «отца города» (ΠΑΤΗΡ ΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ), которым за особые заслуги во II–III вв. н. э. были награждены Каллисфен, сын Каллисфена [IOSPE, № 42], и ольвиополит, «сделавший много добра городу» (имя его не сохранилось) [IOSPE, № 54]. Надписи из Херсонеса [IOSPE, № 344, 352, 355, 423], Ольвии [IOSPE, № 34, 40, 43, 46, 51, 52; НО, № 28, 34], Одессоса [IGBR, № 44], Дионисополя [IGBR, № 13] и Истрии [33, р. 584] свидетельствуют, что распространенным видом поощрения граждан было награждение венками. За очень большие заслуги некоторым из них ставили медную или мраморную статую, на постаменте которой перечислялись должности,

заслуги и награды. Декреты, упоминающие подобные почести, засвидетельствованы в Херсонесе [IOSPE, № 418, 423, 424, 427], Ольвии [IOSPE, № 34], Дионисополе [IGBR, №13] и Месембрии [IGBR, № 308 quat.]. А херсонесит Демократ, сын Аристогена [IOSPE, № 425], и ольвиополит Никерат, сын Папия [IOSPE, № 34], удостоились такой почести, как вечное провозглашение.

Необходимым атрибутом любой правовой системы, рассчитанной на сохранение определенных гарантий человеческого существования в обществе, являются гражданские обязанности. Они уравнивают общество и способствуют его устойчивости.

В основу полисной организации был положен принцип «общественной пользы» (Plato. Leg. V, 737 D-738 E; Arist. Polit. VII, IV, 7), и выполнение обязанностей служило достижению этой цели. Присяга херсонеситов позволяет установить, что важнейшими из них были: защита государства и свободы граждан, сохранение демократии. Каждый гражданин должен был сообщать городским магистратам о заговорах, честно исполнять свои обязанности при избрании в Совет или магистратуру. Запрещалось давать и брать взятки, совершать преступления против других граждан [IOSPE, № 401]. Несмотря на то, что эти правила были законодательно оформлены в III–II вв. до н. э., на практике они, вероятно, существовали на протяжении всей античной эпохи [5, с. 156]. Подтвердить данную точку зрения можно, если обратить внимание на те причины, которые заставляли греческих граждан выполнять свои обязанности перед государством. Внешней формой выражения этих взаимоотношений был страх потерять права гражданина, которые могли быть отняты атимией (ΑΤΙΜΟΣ) — за подкуп, растрату, трусость, ложное показание, неисполнение обязанностей детьми по отношению к родителям, за позорные или серьезно вредящие общему благу поступки (Demosth. XXVI, 9; XXII, 34; LI, 12). Но в большей степени здесь имел значение социально-психологический фактор, то есть «общественное мнение», лежавшее в основе механизма социального контроля [36, с. 76].

Обращает на себя внимание то, что во многих почетных декретах причерноморских городов присутствует назидательная формулировка. К примеру, «...отечество чтит тех, кто провел жизнь во имя его блага» [10, с. 194, № 20], или «...постановление должно быть выставлено на самом видном месте города, чтобы читающие имели в намерении подражать подобно похвальной жизни» [IOSPE, № 38], или наиболее часто встречающаяся в декретах формула: «...чтобы другие ревностней старались быть отличными гражданами, зная, что каждый получит от народа честь и награду, достойную благодеяния» [IOSPE, № 25; Ср. IOSPE,

№ 17, 21, 22, 35; КБН, № 140, 143]. Следовательно, сознательно формировалась ориентация на «добрую славу», воспитывалась идея служения коллективу как доблесть, которая вознаграждается этим коллективом. Все это должно было способствовать развитию чувства солидарности членов общины и, по-видимому, было связано не только с необходимостью сохранения этнокультурного единства, но и с традиционным мировоззрением. Так, Солон у Лукиана объявляет «любовь к доброй славе» высшим благом (Luc. Anach. 36). Исократ говорит, что высокая оценка со стороны достойных людей является лучшим свидетельством высоких качеств интересующего нас человека (Isocr. Hel. 22), а по словам Плутарха, «благоразумнее всего ведут себя там, где граждане боятся порицания больше, чем закона» (Plut. Mor. 154E). Поэтому ради счастливой жизни нужно было приобрести то, что греки называли «хорошим мнением» (ΑΞΙΩΣΙΣ) (Demosth. XXVII, 52).

В городах Северного и Западного Причерноморья строго ориентированное на поощрение и порицание общественное мнение, видимо, существовало на протяжении всей античной эпохи. Почетный декрет II–III вв. н. э. в честь ольвиополита Феокла, сына Сатира [IOSPE, № 40], свидетельствует, что обязанности, которые выполнял этот гражданин, очень схожи с гражданскими обязанностями херсонеситов III–II вв. до н. э.: отмечается его любовь к отечеству, безукоризненное выполнение всех должностей и общественных поручений.

Учитывая вышеназванные свидетельства, позволим себе не согласиться с Е. М. Штаерман, которая считает невозможным функционирование гражданской общины как государства из-за отсутствия аппарата принуждения и подавления [37, с. 76]. В данном случае этот аппарат с успехом заменяло общественное мнение, что в реальной жизни выразилось в стремлении по возможности сгладить и выравнять социальные и имущественные различия, тем самым обеспечивая политическую сплоченность гражданской общины. Прежде всего это осуществлялось с помощью системы литургий [24, р. 169; 38, р. 150]. Данные эпиграфических источников говорят о существовавшей в Северном и Западном Причерноморье литургической системе, в которой можно выделить три тесно взаимосвязанные группы: литургии и пожертвования на нужды города, благодеяния в пользу неимущих слоев и пожертвования на общественные организации (фиасы).

К первой группе следует отнести прежде всего строительство и поддержание в должном порядке различных общественных зданий и сооружений. Известны факты сооружения на частные средства граждан оборонительных укреплений в Херсонесе в период со II в. до н. э. по III в. н. э. [IOSPE, № 438, 439; НЭПХ, 1964, № 1, 25; НЭПХ, 1973,

№ 128] и во II–III вв. н. э. в Танаисе [КБН, № 1246, 1249, 1252, 1257]. Таким же образом были обустроены в этих городах и рыночные площади [39, с. 245; НЭПХ, 1973, № 129; КБН, № 1245]. В Истрии во II в. н. э. на средства Аристагора, сына Апатурия, было выстроено здание агораномии [2, с. 245, № 11]. Благодаря зажиточным гражданам в Горгиппии [32, с. 47] и Херсонесе [IOSPE, № 440, 441–444, 446] были построены храмы Афродите. Ольвиополит Аврелий Юлиан за свой счет построил храмы богам Серапису и Исиде, Асклепию и Гигии, Посейдону [40, с. 5], а несколько ольвийских граждан построили храм Зевса Элевтерия [41, с. 107]. К числу наиболее крупных общественных сооружений, построенных на средства граждан причерноморских городов, следует отнести херсонесские термы [НЭПХ, 1973, № 133] и, возможно, баню в Ольвии, посвященную римским императорам [IOSPE, № 174; 42, с. 81]. В Ольвии в первые века нашей эры, по-видимому, общественное строительство на частные средства получило широкое распространение. Таким образом был вновь отстроен гимнасий [IOSPE, № 40] и построен портик [IOSPE, № 181].

К числу более регулярных литургий, характерных для городов Северного и Западного Причерноморья, можно отнести хорегию и гимнасиархию.

Хорегия (ΧΟΡΗΓΙΑ) считалась почетной, но и одной из самых тяжелых литургий, поскольку покрытие всех издержек на музыкально-литературные состязания и драматические представления во время общественных празднеств требовало значительных трат личных средств [43, р. 124, 125]. Достоверные сведения о проведении хорегии как литургии в причерноморских городах относятся к первым векам нашей эры. В I в. н. э. в Дионисополе хорегию исполнял известный гражданин Акорнион, сын Диониса [IGBR, № 13]. В конце I — начале II в. н. э. подобные затраты оплачивал один из богатых истрийских граждан [44, р. 49]. Частое упоминание в горгиппийских надписях I–III вв. н. э. мужских имен ΧΟΡΑΓΟΥΣ [КБН, № 1129, 1157] и ΧΟΡΗΓΙΩΝ [КБН, № 1138, 1140, 1141; 30, с. 151, № 9] позволяет предположить распространенность явления хорегии, а следовательно, и существование соответствующей литургии на Боспоре.

В некоторых случаях в городах Северного и Западного Причерноморья литургией являлась гимнасиархия (ΓΥΜΝΑΣΙΑΡΧΙΑ). Общественной литургией, по-видимому, была гимнасиархия в Томах. На это указывает декрет II в. н. э., упоминающий «народного гимнасиарха» (ΓΥΜΝΑΣΙΑΡΧΗΣ ΤΟΥ ΔΗΜΟΥ) [ISM, II, № 95 (61)]. В городах Боспора — Пантикапее [КБН, № 90, 103], Горгиппии [КБН, № 1140], Танаисе [КБН, № 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277–1280, 1282, 1287, 1288] — гимнаси-

архи упоминаются только среди должностных лиц таких общественных объединений, как фиасы. На этом основании можно предположить, что данная должность выполнялась здесь как литургия.

Обычно почитание греческих богов было связано с многочисленными жертвоприношениями, на что требовались значительные средства. По-видимому, в Северном и Западном Причерноморье эту проблему иногда удавалось решить с помощью литургий. Из многочисленных посвящений коллегий ольвийских архонтов и стратегов II–III вв. н. э. следует, что они должны были заботиться о соблюдении норм культа Ахилла, организации его празднеств — Ахиллей, что, в то же время, было обязанностью состоятельных граждан [IOSPE, № 130–152; НО, № 86–89]. Свидетельство римского времени из Каллатиса, упоминающее добровольную агонотесию Аполлония [45, р. 62; 33, с. 92], позволяет говорить о проведении религиозных празднеств на средства отдельных богатых граждан в Западном Причерноморье. С этой целью, вероятно, применялось и принятие добровольного жречества. Обычно необходимость в этом возникала в периоды тяжелого финансового положения в городах. Так было в Истрии во II в. до н. э., когда Аристагор, сын Апатурия, четыре раза становился жрецом Аполлона Врача и организовывал пышные жертвоприношения [2, с. 245, № 11; ISM, I, № 54]. На свои средства устраивали жертвоприношения в честь бога Диониса его жрецы в Дионисополе [46, с. 151].

Декрет I в. до н. э. из Каллатиса, упоминающий о «снаряжении (неким гражданином) на собственные средства военного корабля» [2, с. 258, № 29], позволяет предположить существование в причерноморских городах и такого вида литургии, как триерархия (ΤΡΙΝΑΡΧΙΑ). Демосфен отмечает, что триерархия была чрезвычайно тяжелой литургией и эту повинность несли лишь самые зажиточные граждане (Demosth. III, 19). Возможно, именно сложностью литургии и отсутствием необходимых средств на ее исполнение объясняется столь редкое ее применение в причерноморских городах.

К числу почетных обязанностей, которые выполняли богатые граждане в Северном и Западном Причерноморье, следует отнести также снаряжение посольств к правителям иноземных государств, римским императорам. В Ольвии, например, на собственные средства организовали посольства Протоген, сын Геросонта [IOSPE, № 92], и Феокл, сын Сатира [IOSPE, № 40], в Херсонесе — Демократ, сын Аристогена [IOSPE, № 425], а в Истрии — «доблестный муж» Сопатр [2, с. 243, № 6] и некий богатый гражданин, оплативший транспортные расходы, связанные с проездом императора Антония Пия через Нижнюю Мёзию [47, р. 385].

Эвергетическая деятельность богатых граждан проявлялась и в непосредственной поддержке низших слоев граждан, что, вероятно, являлось своеобразной формой социального вспомоществования. В причерноморских городах оно осуществлялось предоставлением денежных ссуд, как было, например, в Херсонесе [НЭПХ, 1964, № 5], или отменой долгов, как поступил, в частности, ольвиополит Протоген [IOSPE, № 32]. Однако чаще это выражалось в закупке на собственные средства продовольствия и продаже его по более низким ценам или раздаче хлебных рационов. Примеры подобных благодеяний содержатся в надписях Херсонеса [НЭПХ, 1964, № 5], Ольвии [IOSPE, № 32; НО, № 72], Истрии [ISM, I, № 54] и Том [3, р. 175]. В особенно тяжелые периоды, во избежание голода и, вероятно, «голодных бунтов», на частные средства устраивались общественные угощения. Так, истрийский декрет II в. н. э. сообщает, что Марк Ульпий Артемидор в трудное для города время «кормил» проживавших в городе граждан и чужеземцев [48, р. 359]. По замечанию Аристотеля, все, «что охотно делается из честолюбия на общее благо, например, когда нужно блистательно снарядить хор или триеру, или устроить пир для всего города, является почетными затратами» (Arist. Eth. Nic. IV, 5). По-видимому, подобные кормления и хлебные раздачи в причерноморских городах способствовали укреплению популярности и авторитета их устроителей.

Наконец, следует отметить еще один способ выполнения литургических обязанностей — оказание материальной помощи и покровительства общественным объединениям граждан (фиасам). Существование благодетелей из числа представителей городской верхушки, покровительствовавших различным сообществам граждан, было обычным явлением во многих греческих городах [49, s. 103]. Подобные благодетели, по-видимому, оказывали помощь и причерноморским фиасам. В надписях III—I вв. до н. э. «издавна щедрыми в отношении фиасов» называются каллатийцы Бикон, сын Диоскурида [2, с. 255, № 25], и некий богатый гражданин, имя которого не сохранилось [2, с. 258, № 29]. Два пантикапейских фиаса в I—II вв. н. э. своими декретами почтили «памяти ради» Мастуса, сына Мастуса, видимо, своего благодетеля [КБН, № 80, 81].

Таким образом, система литургий, существовавшая в городах Северного и Западного Причерноморья, была достаточно многоплановой и разнообразной. Это позволяет не согласиться с Ю. В. Андреевым, утверждающим, что «литургический вариант» экономической политики полиса получил широкое распространение в экономически наиболее развитых районах греческого мира [50, с. 19]. На наш взгляд, данное мнение недостаточно объективно или, во всяком случае, применимо не

ко всем регионам греческого мира, в том числе и к Северному и Западному Причерноморью, которое вряд ли можно назвать «наиболее экономически развитым районом». Скорее прав А. Джонс, полагающий, что к литургиям прибегали все без исключения греческие города [51, р. 247, 248]. Но чем беднее был город, тем бремя литургий для местной аристократии было тяжелее. С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся и в античных городах Северного и Западного Причерноморья.

Обращает на себя внимание то, что в большинстве приведенных свидетельств отмечается добровольность и бескорыстность литургов [IOSPE, № 35, 39, 40, 42, 245, 425; ISM, I, № 45]. Однако если обратиться, например, к декрету в честь Протогена, можно отметить некоторые противоречия в самом тексте и его реальном содержании. Вторая половина III в. до н. э., к которой относится надпись, была одним из самых трудных периодов в истории Ольвии [52, с. 206]. Протоген принадлежал к числу самых богатых граждан города и действительно добровольно оказывал различные благодеяния. Но содержащееся в декрете упоминание о его призыве к другим зажиточным гражданам «помочь и не допустить, чтобы отечество... подпало власти врагов» [IOSPE, № 32 В, ст. 25–28], а также отмеченное в херсонесском декрете II в. до н. э. обращение города к «такому-то, чтобы он восстановил за собственный счет оборонительные стены» [НЭПХ, 1964, № 1], указывают на определенную принудительность данных «добровольных обязанностей». По-видимому, самые богатые обязаны были быть и самыми щедрыми. Сила обычая и общественное мнение заставляли остальных следовать за ними. В таком обществе любой человек, даже старик, по словам Фукидида, предпочитал честь богатству (Thuc. II, 44, 4). Надо было иметь большую смелость, чтобы отказаться от взноса на новое общественное строительство, в то время как другие сограждане имели большие перечни пожертвований. Этим можно было привлечь на себя всеобщее осуждение в подлости, прослыть скупым и, таким образом, не соответствовать греческому понятию добродетели (ΑΡΕΤΗ), к которому часто апеллируют и авторы декретов из Пантикапея [КБН, № 119, 124, 129, 133, 146], Мирмекия [КБН, № 869], Ольвии [IOSPE, № 25, 51; 53, с. 14], Херсонеса [НЭПХ, 1964, № 5], Месембрии [IGBR, № 308 bis, 315, 320], Истрии [2, с. 244, № 9]. Напротив, активное участие в благотворительной деятельности открывало дорогу к государственным должностям, а вместе с тем и к решающему влиянию на политику. Так, высшие государственные должности занимали истрийский эвергет Аристагор, сын Апатурия [ISM, I, № 54], и херсонесит Демократ, сын Аристогена [IOSPE, № 425]. Многие эвергеты имели большой авторитет у демоса. В частности, Протоген ольвийский неоднократно выступал

на народных собраниях [IOSPE, № 32 А, ст. 56–89]. Разумные советы ольвиополитам подавал и Никерат, сын Папия, кроме того, он «разрешил распрю... и умиротворил город (Херсонес)» [IOSPE, № 34].

Таким образом, феномен добровольных литургий был вызван, с одной стороны, стремлением к славе и популярности, а иногда, как отмечает М. К. Трофимова, возможно, и прямым деловым расчетом [54, с. 63]. Следует добавить также, что это было и выражением гражданского патриотизма, а кроме того, с гибелью полиса (что было особенно возможно в период III–I вв. до н. э.) эвергеты могли потерять если не жизнь, то свои состояния, заключавшиеся в немалой степени и в недвижимости. С другой стороны, сами сограждане нуждались в подобной благотворительности, платя за нее некоторым ущемлением своих реальных политических прав.

Таким образом, развитие гражданских общин античных городов Северного и Западного Причерноморья в значительной степени опиралось на силу древней традиции, что способствовало определенной регламентации жизни граждан. Это проявилось в соблюдении баланса прав и обязанностей, подчиненного идее служения государству. Фактически в условиях всеобщего избирательного права, общинного самоуправления гражданин оказывался подчиненным государству и (в его лице) общественному мнению. Поведение каждого гражданина соотнобразовывалось с разветвленной системой запретов и поощрений, что, в целом, ограничивало свободу личности. Степень обладания законодательной инициативой гражданами причерноморских городов позволяет констатировать, что в Западном Причерноморье данное явление носило менее выраженный характер, чем в Северном, в то время как граждане Боспорского царства вообще были практически исключены из процесса законотворчества.

В городах Северного и Западного Причерноморья традиционно воспитывалось и поддерживалось чувство ответственности за гражданскую общину. Эта ответственность не была абстрактной. «Лучшие люди», отличавшиеся наибольшими добродетелями, то есть наибольшим вниманием к общественным интересам, имели почетные привилегии, славу, но, в то же время, обязаны были перед обществом нести и наибольшую ответственность, связанную подчас со значительными материальными затратами.

В течение веков правовые нормы не оставались неизменными. Они менялись вместе с обществом. Но лежавшие в их основе принципы оставались традиционными. Это способствовало сохранению относительной целостности гражданских общин и характерных черт общественной жизни и греческой культуры в причерноморских городах.

Литература

1. Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА.— 1954.— Т. 20.
2. Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э.— М., 1952.
3. Stoian J. Tomitana : Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis.— București, 1962.
4. Никитина И. П. Правовое положение отдельных категорий населения Ольвии догетского периода // Уч. зап. УрГУ.— 1969.— Вып. 17.— № 101.
5. Кадеев В. И. Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // ПАК.— М., 1986.
6. Виноградов Ю. В. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ.— 1969.— № 3.
7. Блаватский В. Д. Пантикапей.— М., 1964.
8. Латышев В. В. Новый гимн в честь Гермеса // PONTIKA.— Спб., 1909.
9. Шелов-Коведяев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ.— 1990.— № 3.
10. Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфика I.— М., 1985.
11. Haighbarger E. L. The History and Civilization of Ancient Megare.— Baltimore, 1927.
12. Graham A. I. Colony and Mother City in Ancient Greece.— Manchester, 1964.
13. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien.— Frankfurt am Main and etc., 1983.
14. Freeman K. God, Man and State.— London, 1952.
15. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ.— 1939.— № 3.
16. Ростовцев М. И. Сириск — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП.— 1915.— № 4.
17. Каллистов Д. П. Боспорский декрет Перисада о даровании проксении пирейцу // Проблемы социально-экономической истории древнего мира.— М.; Л., 1963.
18. Блаватская Т. В. Горгиппийский фрагмент царского рескрипта // Эпиграфика II.— М., 1987.
19. Hammond M. The City in the Ancient World.— Cambridge, 1972.
20. Латышев В. В. Дополнения и поправки к надписям, изданным в сборнике IOSPE, Т. I, II, IV // ИАК.— 1904.— Вып. 10.
21. Карасев А. Н. Раскопки ольвийской агоры в 1967–1969 гг. // КСИА.— 1972.— Вып. 120.
22. Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ.— 1976.— № 3.
23. Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ.— 1984.— № 3.
24. Zimmern A. E. The Greek Commonwealth: Politics and Economics in Fifth-century Athens.— Oxford, 1911.
25. Дремсизова-Нелчинова Ц., Тончева Г. Антични теракоти от България.— София, 1971.
26. Тончева Г. Два надгробни паметника от Одесос // Изследвания в чест на К. Шкорпил.— София, 1961.

27. Диль Э. В. Ольвийская чашка с наговором // ИАК.— 1915.— Вып. 58.
28. Придик Е. М. Греческие заклятия и амулеты из южной России // ЖМНП.— 1899.— № 12.
29. Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями.— Харьков, 1918.
30. Яйленко В. П. Новые надписи Горгиилии // Эпиграфика I.— М., 1985.
31. Яйленко В. П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.— М., 1984.
32. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) // ИАК.— 1907.— Вып. 23.
33. Данов Х. М. Западният бряг на Черно море в древността.— София, 1947.
34. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры.— Харьков, 1981.
35. Histria : Monografie arheologică.— Vol. 1.— București, 1954.
36. Якобсон В. А. Государство и социальная психология // ВДИ.— 1989.— № 4.
37. Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ.— 1989.— № 2.
38. Finley M. I. The Ancient Economy.— Berkeley; Los Angeles, 1973.
39. Семенов-Зусер С. А. Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ.— 1947.— № 2.
40. Латышев В. В. Две ольвийские посвятельные надписи // ИАК.— 1912.— Вып. 45.
41. Штерн Э. Р. О последних раскопках и находках в Ольвии // ЗООИД.— 1900.— Т. 22.
42. Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» (Продолжение) // Эпиграфика II.— М., 1987.
43. Cartledge P. The Greek Religious Festivals // Greek Religion and Society.— Cambridge, 1985.
44. Vulpe R., Barnea J. Din Istoria Dobrogei.— Vol. II.— București, 1968.
45. Pârvan V. Gerasia din Callatis.— București, 1920.
46. Белова М. Религия на Одесос, Дионисополис и Бизоне в предпримската епоха // ТрВТУ.— 1977.— Т. 14.— Кн. 3.
47. Stoian J. De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d'Histria // Dacia (N. S.)— 1959.— Т. 3.
48. Pippidi D. M. In Jurul unei inscripții din Muzeul Național de antichități al Institutului de arheologie // SCIV.— 1958.— Т. 9.— № 2.
49. Ziebarth E. Das griechische Vereinwesen.— Leipzig, 1896.
50. Андреев Ю. В. Мужские союзы в структуре дорийского полиса // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества.— Л., 1984.
51. Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian.— Oxford, 1940.
52. Виноградов Ю. Г. Политическая история ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.— М., 1989.
53. Книпович Т. Н. Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии // КСИА.— 1963.— Вып. 95.
54. Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики // ВДИ.— 1961.— № 2.